

A dark, atmospheric photograph of a forest lake. Tall evergreen trees line the banks, their reflections visible in the calm water. In the distance, snow-capped mountains rise under a heavy, cloudy sky. The overall mood is somber and mysterious.

А.Тём

Колыбель

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

А.Тём А.Тём

Колыбель

<https://litres.ru/74377892>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Мы полагали, что нашли новый источник энергии. Мы ошибались. Мы нашли новую форму жизни — древнюю, разумную и, боюсь, не простившую нам ни одной серебряной иглы».

— Академик Виноградов, 1952 год

Они обещали стране неисчерпаемую энергию. Они нашли древнюю форму жизни. И они заперли её в бетоне и меди — навсегда.

Студент Виктор Кузнецов приезжает на практику в закрытый город. Под землёй — секретный объект, где духов превращают в батареи. Когда авария выпускает на свободу незавершённое создание, Виктор узнаёт, что его мозг слышит их крик. Он — Мост между мирами. Чтобы остановить хаос, ему придётся спуститься туда, откуда не возвращаются, и встретиться с тем, кто ждал тысячелетия.

Выбор: бежать или попросить прощения за всех.

Содержание

Пролог. То, что лежало подо мхом	4
Глава 1. Частота 50 Герц	10
Глава 2. Правила Олега Ивановича	17
Глава 3. Чайник	23
Глава 4. Третье правило	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

А.Тём

Колыбель

Пролог. То, что лежало подо мхом

Академик АН СССР, д.ф.-м.н. Виноградов Константин Львович (1901–195...)

Из закрытого доклада на Президиуме АН СССР, 14 марта 1952 г.

«Мы полагали, что нашли новый источник энергии. Мы ошибались. Мы нашли новую форму жизни — древнюю, разумную и, боюсь, не простившую нам ни одной серебряной иглы. Вопрос теперь не в том, сколько мегаватт мы сможем из неё извлечь. Вопрос в том, сколько времени у нас осталось, прежде чем она научится извлекать силу из нас.»

*Август 1941 года. Где-то под Вязьмой. *

Отступали четвёртые сутки. От сапёрного батальона осталось тридцать два человека и одна полуторка с пробитым радиатором. Лейтенант Горелов, двадцатитрехлетний физик, мобилизованный из аспирантуры МГУ в первые дни войны, сидел в кузове и прижимал к груди осциллограф — единственный уцелевший прибор из лаборатории. Зачем он та-

шил его через леса и болота - и сам не мог объяснить. Наверное, потому что это была последняя ниточка, связывающая его с прошлой, осмысленной жизнью.

Колонна встала у заброшенной деревни. Названия Горелов не запомнил. Дома стояли чёрные, без крыш, но не сожжённые, а будто вдавленные в землю чем-то огромным и мягким. Комбат приказал окапываться.

Горелов пошёл к колодцу — набрать воды для радиатора. Колодец был странный: свежий сруб, а вокруг — ни души. Он заглянул внутрь и увидел, что воды нет. Вместо неё — на глубине метров десяти — мерцало что-то бледное, студенистое, ритмично пульсирующее.

Он зачем-то бросил в колодец камешек. Камешек не долетел до дна. Тот завис в воздухе на полпути, задрожал, словно попал в невидимое желе, и медленно, как во сне, полетел обратно. И упал к ногам Горелова, обжигаяще холодный.

Той ночью в деревне пропало двое бойцов. А осциллограф Горелова, подключённый к самодельному детектору, впервые зафиксировал сигнал — низкочастотный, ритмичный, не похожий ни на один известный науке. Сигнал, который шёл из-под земли.

Горелов записал в полевом дневнике: «Похоже на дыхание. Очень медленное. Очень большое. И оно определённо живое».

Это была первая встреча советской науки с тем, что позже назовут «автохтонными полевыми формами жизни».

Сентябрь 1948 года. Полигон № 14, Московская область.

Война кончилась, и Горелов, уже лейтенант, уже лауреат закрытой премии, стоял перед бетонным кубом первого в СССР «сдерживающего контура». За семь лет он научился многому. Он знал, что духи (он называл их про себя «сырцами», и термин прижился) — это сгустки биоэлектрической энергии, обладающие коллективной памятью. Что они не умирают, а переходят из формы в форму. Что их можно заманить, если точно знать частоту, на которой резонирует та или иная местность.

Он знал и другое: духи не агрессивны по природе. Они — как звери, которые никогда не охотились на человека. Они просто... существуют. В своём мире, параллельном нашему, как радиоволна существует параллельно свету. Проблема в том, что советская наука вторглась в их мир первой.

Сейчас в бетонном кубе сидел «Образец №2» — молодой леший, изъятый из-под Костромы. Его заманили, транслируя через динамики запись шума соснового леса на частоте 17 герц. Леший пошёл на звук, как мотылёк на свет, и угодил в медную клетку. Теперь он сидел в углу, сжавшись в полупрозрачный комок, и тихо подвывал. Это был не вой боли. Это был вой тоски. Горелову казалось, что он слышит в нём слова: «Отпусти. Я ничего тебе не сделал».

— Начинайте, — приказал он, отворачиваясь.

В тело лешего вонзились первые серебряные иглы.

Через три года Горелов застрелился. В предсмертной за-

писке, которую немедленно засекретили, было всего три слова: «Они всё помнят».

Май 1955 года. Строительство Спецобъекта «Колыбель».

Преемник Горелова, академик Виноградов, был человеком другой закалки. Он не мучился совестью. Он видел в духах не форму жизни, а ресурс — такой же, как уран или нефть. Ресурс, который мог дать стране неисчерпаемую энергию, автономные системы управления, оружие, наконец, против которого бессильны любые средства Запада.

— Горелов был романтиком, — сказал он на закрытом заседании Политбюро в 1954 году. — Он жалел «сырцов». А жалеть надо наших людей, которые мёрзнут в бараках и работают на износ. Я предлагаю не отлов, а промышленное производство симбионтов.

Ему выделили средства. Место выбрали не случайно: озеро Красное под Красноозёрском имело аномально высокий фон биоэлектрической активности. Под ним, на глубине двухсот метров, спало что-то огромное и древнее. То, что позже назовут «Образцом Класа Д».

Семь лет строительства. Семь уровней, уходящих вглубь. Тысячи тонн меди — единственного металла, который духи не могут «прошить». Сотни учёных, инженеров, военных, санитаров. И первый симбионт — старый домовый, которого поймали в брошенной избе под Архангельском и «подключили» к главному реактору.

Когда домовый заработал, когда по телу его, прошитому

серебряными жилами, пошёл ток, Виноградов лично записал в лабораторном журнале: «Сердце объекта запущено. Образец стабилен. Перспективы — безграничны».

Через год Виноградов пропал без вести. Его искали три недели. А потом нашли на Уровне -6, в той части, которую ещё только строили. Он сидел, прислонившись спиной к бетонной стене, и смотрел в темноту широко открытыми глазами. Он был жив, но не отвечал на вопросы. Только один раз, когда санитары попытались поднять его, он прошептал: — Они не спят. Они ждут.

После этого случая доступ на Уровень -6 закрыли навсегда, а в документах появилась пометка: «Образец Класса Д. Не беспокоить».

Июнь 1983 года. За три дня до аварии.

Виктор Кузнецов, сам того не зная, уже ехал в Красно-озёрск-16. А на Уровне -5 Спецобъекта «Колыбель», в пустующей ячейке №4, заканчивали монтаж нового фиксатора. Вскоре в неё загрузят молодую кикимору, только что изъятую из болота под Тверью. А в аппаратную заступят Петрович и Коля.

И Коля, сам того не зная, воткнёт кипятильник в розетку контрольного контура.

Этого пока не знает никто. Система работает штатно. «Сердце» дышит ровно. Медь держит. Серебро молчит.

Но на Уровне -6, в темноте, куда не спускался никто уже двадцать пять лет, что-то медленно, как во сне, переверну-

лось с боку на бок.

И продолжило спать.

Пока.

Глава 1. Частота 50 Герц

АНКЕТА

*Личное дело практиканта № 17-06/83-К
Кузнецов Виктор Павлович, 1964 г. р.*

Образование: 1 курс МЭИ, факультет автоматики и вычислительной техники.

Характеристика с места учёбы: «Склонен к излишней рефлексии, но обладает острым аналитическим умом. Психологический фон — стабильный, ровный. Рекомендован к работе с Образцами низших классов».

Примечание отборочной комиссии: «Высокая восприимчивость к электромагнитным полям. Идеальный кандидат для теста на долговременный контакт».

(Внизу страницы — приписка от руки, неразборчиво, будто второпях: «Не отбирать! У него индекс ВЧ-7. Сжечь анкету». Приписка перечёркнута жирной линией, но не уничтожена.)

Июнь 1983 года. Московская область.

В то утро все радиоточки в доме отдыха «Заря» взвыли «Песней о тревожной молодости». Виктор Кузнецов

проснулся мгновенно, как от толчка, хотя обычно подъём в семь был для него пыткой. Он лежал на казённой кровати с панцирной сеткой и смотрел в белый потолок, по которому солнечные зайчики от реки плясали свой бесконечный танец.

Студенты МЭИ жили здесь пятый день. Формально это называлось «летней оздоровительной базой перед распределением на практику». На деле — томительное ожидание. Двадцать пять отличников с энергетического, радиотехнического и его родного факультета автоматики и вычислительной техники, собранных, как детали конструктора, непонятно для чего. Им запретили покидать территорию, разговаривать с местными и даже звонить в Москву. Кормили на убой, как космонавтов перед стартом. Виктор чувствовал себя породистым бычком на откорме — сытым, холёным и смутно предчувствующим скотобойню.

Он сунул ноги в тапки и подошёл к окну. За соснами блестела гладь искусственного водохранилища. По берегу, словно механическая игрушка, ходил старик-сторож с бреднем. Он проверял что-то в камышах каждое утро, и каждое утро молчал, когда Виктор пытался с ним заговорить. Только смотрел выцветшими голубыми глазами куда-то сквозь собеседника и тихо шептал: «Не плечи, не гнечи...»

Сегодня старика не было. Вместо него у кромки воды стояли двое в одинаковых серых плащах, несмотря на жару, и смотрели на поплавки. Поплавки не дёргались. Вода была

маслянисто-гладкой, как зеркало из свинца. Виктор вдруг поймал себя на мысли, что ему ни разу не довелось увидеть на этом озере рябь. Даже когда дул ветер, даже когда шёл дождь — вода оставалась неподвижной. Словно что-то огромное и тяжёлое давило на неё изнутри, не позволяя тревожить поверхность. Он отогнал эту мысль как глупую и пошёл умываться.

В дверь постучали.

— Кузнецов, к коменданту. С вещами.

Комендантом оказался невысокий человек с лицом заводской куклы — розовым, гладким, лишённым возраста. Он сидел в крохотном кабинете, больше похожем на медпункт, и перебирал папки. Кроме Виктора, в коридоре переминались ещё четверо: Вадик Петренко с радиотеха, две тихие девочки-гидравлицы и бледный очкарик Гриша. Вадик пытался шутить про «спецпаёк и пайку», но шутки выходили натянутыми. Девчонки молча теребили лямки сарафанов. Гриша беззвучно шевелил губами, словно повторял про себя формулы.

— Остальные остаются здесь, — сухо сказал комендант, не поднимая глаз. — Вы пятеро — на спецобъект «Гидротехника». Поздравляю. Ваши характеристики из вуза признаны... подходящими.

Он разложил перед ними стопку бумаг. «Допуск Д». «Подписка о неразглашении государственной тайны». «Добровольное информированное согласие на проведение меди-

цинских процедур».

— Каких процедур? — тихо спросила одна из девочек, кажется, её звали Лена.

— Стандартных. Прививки от энцефалита, проверка вестибулярного аппарата, анализ на восприимчивость к... электромагнитным полям. Вы же энергетики. Должны понимать.

Виктор склонился над бумагами. Медицинская часть была напечатана на новой машинке, но внизу страницы, под строкой «Согласие на контакт с экспериментальными образцами», виднелась едва заметная, стёртая ластиком запятая. Словно кто-то сначала хотел добавить ещё один пункт, но передумал. Виктор машинально провёл пальцем по шероховатой бумаге. Что там могло быть? «Опасность для жизни»? «Возможные мутации»? Он вспомнил отца, кадрового военного, и его любимую присказку: «Не спрашивай лишнего — не услышишь неприятного».

Он подписал. Все подписали. А что им оставалось? Отказ означал бы отчисление с волчьим билетом и клеймо «неблагонадёжного» до конца жизни.

Автобус ПАЗ, выделенный для пятерых «счастливчиков», выехал из ворот базы, когда солнце уже перевалило за полдень. В салоне пахло бензином и нагретым дерматином. Ехали молча: каждый смотрел в своё окно на проплывающий подмосковный пейзаж — деревни, поля, берёзовые колки.

Виктор сидел у окна, прижавшись лбом к вибрирующему стеклу, и думал. Думал о том, как странно всё складывается.

Ещё месяц назад он сдавал сессию, грыз гранит науки, ходил с друзьями в «Журавли» пить разливное пиво по пятницам. А теперь его везут в какой-то закрытый городок с ничего не говорящим названием, и допуск «Д» означает, что даже родителям нельзя писать, где он находится. Мать будет волноваться. Отец — гордиться. «Попал в спецучреждение, Витка, это карьера», — скажет он, не зная, куда именно попал его сын.

Он покосился на свои командирские часы — подарок отца на окончание первого курса. Стрелки показывали 14:23. Московское время. Интересно, долго ли ещё ехать? Он перевёл взгляд за окно. Лес сгущался. Берёзы сменялись угрюмыми елями, которые стояли так плотно, что между ними, казалось, не мог протиснуться даже солнечный луч. А ведь ещё только начало лета. Откуда в Подмоскovie такие чащобы?

На первом же КПП, у поворота с основного шоссе, в автобус вошёл военный патруль. Офицер долго сверял фотографии с лицами, потом попросил сдать часы.

— Зачем? — удивился Вадик.

— На объекте своё время, — отрезал офицер. — Ваши механизмы всё равно будут врать.

И правда: стрелки на командирских часах Виктора, на которые он машинально бросил взгляд, начинали дрожать и плыть, стоило автобусу миновать указатель «Красно-

озёрск-16». Секундная стрелка дёргалась, словно её что-то притягивало к циферблату, а потом и вовсе замерла на цифре «3». Три часа дня. Время остановилось. Виктор потряс запястьем — стрелка дёрнулась, прошла два деления и снова замерла. Словно само время здесь было густым, как кисель, и текло по другим законам. Он спрятал часы в карман и вдруг поймал себя на том, что ему страшно. Не тревожно, не неуютно — а именно страшно. Холодно и липко, как в детстве, когда просыпаешься ночью и точно знаешь, что в углу кто-то стоит.

Дорога пошла под уклон. Лес расступился, открывая вид на бетонный забор, оплетённый спиралью Бруно. У шлагбаума автобус затормозил.

— Приехали, — сказал водитель и заглушил мотор. — Дальше не положено.

Дверь открылась. Внутри ворвался прохладный, пахнущий сырой землёй и озоном воздух. Виктор шагнул на гравий первым и почувствовал, как под ногами едва уловимо вибрирует земля. Словно там, внизу, работало что-то огромное.

К ним уже шёл сутулый мужчина с воспалёнными глазами, в мятом халате поверх военной формы. Тот самый Олег Иванович. Он посмотрел на пятерых студентов с каким-то странным выражением — смесью жалости и усталого безразличия, — и коротко бросил:

— За мной. И не отставать. Территория большая, а ори-

ентиров вы пока не знаете.

Так начался первый день практики в Спецобъекте «Колыбель».

Глава 2. Правила Олега Ивановича

ПАМЯТКА СОТРУДНИКА

ВНИИГТС, Спецобъект «Колыбель»

(Уровень допуска «Д»)

В целях обеспечения вашей безопасности и стабильности Объекта, просим вас соблюдать следующие правила:

Всё, чему вас учили в вузе, не имеет силы ниже Уровня -2. Физика здесь носит рекомендательный характер. Не пытайтесь опровергнуть увиденное — просто примите это.

При обнаружении необъяснимого явления (звук, движение, искажение пространства) немедленно нажмите кнопку вызова санитаров. Не вступайте в контакт. Не пытайтесь помочь. «Оно» не нуждается в вашей помощи.

Категорически запрещается кормить «Третий бак» в Отсеке «В». Какие бы звуки он ни издавал. Это не голод. Это — приманка.

Помните: ваш страх — это их валюта. Не обогащайте их.

Первые четверо «счастливчиков» пошли сразу в общежитие, одному Виктору было интереснее посмотреть на новое место, нежели сразу бежать в четырехкомнатную тюрьму из

бетонных стен и белого кафеля. Их путь дальше продолжался недолго, буквально минут через пять ходьбы в тишине Олег Иванович указательным пальцем показал на дверь лифта, приглашая войти. Лифт был старым, грузовым, с решётчатой дверью, которую Олег Иванович задёрнул сам, вручную. Табличка над кнопками гласила: «Бомбоубежище №3. Грузоподъёмность 1200 кг». Кнопок было много — семь штук. И все, кроме одной, закрашены чёрной краской.

— Нижние уровни, — пояснил Олег Иванович, перехватив взгляд Виктора. — Туда тебе пока нельзя. Да и потом, скорее всего, тоже будет нельзя. Ты здесь на практике, а не на экскурсии.

Он нажал единственную доступную кнопку с цифрой «1». Лифт дёрнулся и начал медленно, с натужным гулом, уходить вниз. Ехали долго — Виктор насчитал про себя двадцать секунд, двадцать один, двадцать два. Значит, глубина порядочная. Метров сто, не меньше.

— Значит так, студент, — сказал Олег Иванович, когда лифт ещё гудел. Голос у него был глухой, простуженный, словно он неделями не разговаривал, а только слушал гул механизмов. — Сейчас я тебе расскажу три правила. Запомни их сразу. Забудешь — пеняй на себя.

Виктор кивнул, чувствуя, как пересохло во рту.

— Правило первое: забудь всё, чему тебя учили на физике. Законы Ома, Кирхгофа, Фарадея — всё это работает наверху. Здесь, — он топнул ногой по железному полу лифта,

— работает совсем другая физика. У нас есть объекты, которые нарушают второй закон термодинамики. Понимаешь, о чём я? Они берут энергию из ниоткуда. И отдают в никуда. А иногда — берут из тебя. Так что, если увидишь что-то, что не укладывается в твою картину мира, не пытайся это объяснить рационально. Просто прими как данность.

— Правило второе: если увидел то, что не можешь объяснить, — молча нажми кнопку вызова на ближайшем щитке и жди санитаров. Не пытайся заговорить, не пытайся помочь. Если «оно» тебя заметит — будет хуже. И тебе, и нам.

— А что значит «оно»? — спросил Виктор, чувствуя, как голос предательски дрогнул.

— Узнаешь, — криво усмехнулся Олег Иванович. — Скажем так: это те самые «экспериментальные образцы», с которыми ты согласился работать, когда подписывал допуск. Только в бумагах они называются «автохонные полевые формы жизни». Сокращённо — АПФЖ. А мы зовём их «сырцами». Потому что они похожи на сырое мясо. И пахнут так же.

Он замолчал, потирая воспалённые глаза, и вдруг добавил совсем тихо:

— Третье правило: никогда, слышишь, никогда не пытайся покормить «третий бак» в отсеке «В». Что бы ты там ни услышал. Какие бы звуки оно ни издавало. Оно не голодное. Оно — хитрое.

Виктор хотел спросить, что значит «хитрое» и что за звуки, но лифт дёрнулся и остановился. Двери открылись в

длинный коридор, облицованный белым кафелем. От стен веяло холодом и сыростью, как из погреба. В воздухе пахло озоном, сырой землёй и чем-то ещё... сладковато-гнилостным. Как в морге, подумал Виктор, и мысль эта заставила его поёжиться.

И тут он услышал звук. Низкий, ритмичный гул, похожий одновременно на работу мощного трансформатора и на дыхание огромного спящего зверя. Он доносился откуда-то из-под пола, проходил через бетон, через подошвы ботинок и отдавался где-то в груди.

— Это «Сердце», — буднично пояснил Олег Иванович, заметив, как студент побледнел. — Наш главный движитель. Симбионт класса А. По-простому — домовый. Только очень большой и очень старый. Он качает энергию на весь объект. Пока он дышит — мы живы.

— Дышит? — переспросил Виктор. — Вы сказали «дышит»?

— А ты думал, машина так гудит? — Олег Иванович хмыкнул. — Машины гудят иначе. А это — живое. Просто ему вживили столько меди, что оно теперь больше машина, чем дух. Ладно, потом всё увидишь. Идём, покажу твой угол.

Они двинулись по коридору. Виктор старался смотреть прямо перед собой, но взгляд сам собой цеплялся за таблички на дверях, ведущих к лестнице. «Секция 4-А. Класс опасности Б». «Изолятор 7. Посторонним не входить». «Отдел Спайки».

У двери с надписью «Отдел Спайки» Олег Иванович чуть замедлил шаг. Виктор машинально заглянул внутрь сквозь небольшое смотровое окошко — и замер.

Там, в центре операционной, под лучом яркого света, была закреплена... русалка. Бледное, искажённое мукой женское лицо, спутанные зелёные волосы. А из спины, тускло поблёскивая, торчал толстый оптоволоконный кабель, уходящий в стальной хребет какого-то гидравлического механизма. Существо дышало часто и неровно, а машина рядом с ним ритмично сжимала и разжимала манипуляторы, словно пыталась делать искусственное дыхание. Или, наоборот, душить.

— Это... это человек? — выдохнул Виктор.

— Уже нет, — отрезал Олег Иванович и захлопнул заслонку окошка. — Это блок управления шлюзами №4 и №5. Раньше она жила в озере. Теперь живёт здесь. Привыкай, студент. Здесь всё так.

Он помолчал, глядя куда-то в конец коридора, где мигала багровая лампа, и добавил:

— Объект «Колыбель» — это не институт. Это... как бы тебе объяснить... симбиоз. Мы даём духам тела из стали и меди. Они дают нам энергию, информацию, возможности. Но это не партнёрство равных. Мы их поймали. Мы их держим. И они это знают. Поэтому здесь всё построено на страхе. Мы боимся их, они боятся нас. И так работает система. А теперь пошли, покажу тебе твою койку. Завтра получишь

график дежурств и начнёшь знакомство с объектами класса «В». Они тихие. Почти безопасные. Если не шуметь.

Он развернулся и зашагал дальше, а Виктор пошёл следом, чувствуя, как дрожат колени. Ему вдруг отчаянно захотелось домой.

Глава 3. Чайник

РАСШИФРОВКА АВТОМАТИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА

Контрольный контур С-7. Уровень -5. Дата: 14.06.1983.

23:47:55 — Ячейка №4. Завершён первичный цикл фиксации. Образец активен. Класс Б (кикимора).

23:58:12 — Скачок напряжения. Отклонение от нормы: +3.5%

23:58:19 — Отказ системы компенсации. Сбой в контуре прошивки.

23:58:22 — Обратный ток. Образец выходит из-под контроля. Зафиксирован незапланированный выброс психоэнергии.

23:58:30 — Потеря связи с фиксаторами. Ячейка №4 не отвечает.

(Машинописная строка. Далее — только белый шум и одинокая, сорванная синусоида.)

**Часом ранее. Уровень -5. Зал «Спайки».*

В аппаратной, примыкавшей к главному операционному

залу, было холодно. Холодно, сыро и монотонно. Гудели шкафы с релейной автоматикой, мерно щёлкали самописцы, выводя на бумажных лентах бесконечные синусоиды. Старший смены Петрович, грузный мужчина лет пятидесяти с одутловатым лицом и вечно слезящимися глазами, сидел на расшатанном стуле и листал потрёпанный журнал «Наука и жизнь» за прошлый год. Стажёр Коля, безусый парень восемнадцати лет, только-только из ПТУ, клевал носом над осциллографом. Ночная смена тянулась бесконечно, и до рассвета (которого под землёй всё равно не видно) оставалось ещё четыре часа.

— Слышь, Петрович, — вдруг подал голос Коля, зевая. — Может, чайку?

Петрович отложил журнал. Чайку хотелось. Хотелось до ломоты в зубах. Третья ночная подряд, а в столовой наверху кормили баландой. Душа просила горячего, крепкого, с сахаром вприкуску. Но электрочайники и кипятильники были строжайше запрещены. Инструкция №47-б, пункт 3: «Любые электронагревательные приборы, не предусмотренные регламентом, могут вызвать паразитные наводки в контрольных контурах». За нарушение — увольнение без выходного пособия, а то и хуже.

Но Петрович работал здесь уже двенадцать лет. Он знал, что инструкции пишут в Москве, а работают — здесь. И ещё он знал, что контур «С-7», который питает пустую ячейку №4, всё равно сегодня не используется. Ячейка пу-

ста, ждёт нового «сырца». А раз контур не под нагрузкой — какие могут быть наводки?

— Давай, — махнул он рукой. — Только тихо. И мой кипяtilьник возьми, в тумбочке.

Коля просиял. Через минуту из тумбочки был извлечён агрегат, знакомый каждому советскому человеку: кипяtilьник из двух лезвий «Нева», скрученных изолянтной и припаянных к шнуру. Коля набрал в литровую банку воды из-под крана, огляделся и, заметив свободную розетку на стене у распределительного щита, уверенно воткнул туда штепсель.

Розетка была не та. Но Коля не мог этого знать. На всех схемах она обозначалась как «Резервная линия питания №2», и только в закрытых документах, лежащих в сейфе у начальника смены, мелким шрифтом было приписано: «Контур С-7. Аварийное питание фиксаторов ячейки №4. Не отключать. Не нагружать».

Вода в банке начала нагреваться. Лезвия тихонько загудели. Петрович прикрыл глаза и предвкушал глоток горячего чая.

Он не увидел, как на долю секунды притухли лампы над распределительным щитом. Не услышал, как изменилась частота гудения в кабелях. И уж точно не мог заметить, как в пустующей ячейке №4, которая была вовсе не пуста — туда два часа назад загрузили молодую кикимору, только что изъятую из болота под Тверью, — на миг прервался цикл «Спайки».

Серебряные нити-иглы, которые как раз в этот момент вшивались в эфирное тело кикиморы, дрогнули. Автоматика восприняла скачок напряжения как аварийный сигнал и запустила протокол сброса. Но вместо того чтобы штатно отключить «сырца», система дала сбой, и процесс прошивки пошёл в обратную сторону. Серебро не закрепилось в плоти духа — оно вырвалось наружу, оставив рваные раны в энергетическом теле. Кикимора не умерла и не освободилась. Она застряла между состояниями — полупрошитая, полуживая, запертая в клетке из меди и боли.

И она закричала.

Крик был беззвучным. Его не услышали ни Петрович, ни Коля. Но его услышали все остальные «сырцы» на уровне. Услышали и ответили.

Сначала вздрогнули стрелки на всех самописцах в аппаратной. Потом погас свет.

— Какого чёрта? — Петрович вскочил, опрокинув стул. Банка с недогретой водой упала на пол и разбилась. Кипятильник, оставшийся без воды, раскалился докрасна и с треском перегорел, выбив пробки на всём щитке.

А потом завывала сирена.

Тем же временем. Уровень -1. Главный коридор.

Сирена взывала, когда Виктор и Олег Иванович проходили мимо двери с надписью «Отдел Спайки». Звук был не просто громким — он был механическим, рваным, как предсмертный крик животного, попавшего в шестерни. Виктор

инстинктивно прижал ладони к ушам, но звук, казалось, шёл не снаружи, а проникал прямо в череп.

Олег Иванович замер на полушаге. Его воспалённые глаза, до этого смотревшие сквозь Виктора, вдруг обрели резкость. В них мелькнуло не узнавание, а животный, липкий страх. Такой страх Виктор видел однажды в зоопарке, когда тигр вырвался из вольера, — страх жертвы, которая ещё не знает, что уже мертва.

— Не может быть... — прошептал он, хватая ртом воздух, в котором сладковато-гнилостный запах стал вдруг невыносимым. — Они же... заземлены. Они не могут...

Свет в коридоре мигнул и погас. Наступила абсолютная, подземная тьма. Такая густая, что Виктор почувствовал её физически — как давление на глазные яблоки. Тишина стояла всего секунду, но эта секунда показалась вечностью. А потом включились аварийные лампы — багровые, заливающие коридор цветом запёкшейся крови.

И в этом багровом свете Виктор услышал, как гул «Сердца» сменил тональность. С басовитого, почти успокаивающего рокота — на пронзительный, почти ультразвуковой, от которого заныли зубы и что-то болезненно сжалось в груди. «Сердце» не просто гудело. Оно кричало.

— Слушай мою команду, студент! — голос Олега Ивановича стал жёстким, чужим. — За мной, бегом. Ничего не трогать. Ни во что не вглядываться. Если увидишь движение слева или справа — молись.

— Кому? — выдохнул Виктор, чувствуя, как к горлу подступает тошнота. Стены коридора словно бы дышали, сужались и расширялись в такт вою сирены.

— Трансформатору Тесла, — огрызнулся лаборант и схватил его за плечо. — Или своей кафедре. Бежим!

Они побежали. Пол под ногами дрожал мелкой, противной дрожью. Из-за гермодвери «Спайки», мимо которой они пронеслись, слышался звук — влажный, чавкающий, как будто кто-то огромный пережёвывал мокрую штукатурку. А потом — скрежет. Металлический, отчаянный, словно тысячи когтей царапали стальную обшивку изнутри.

Виктор оглянулся на бегу и увидел то, что навсегда врезалось ему в память. Массивная гермодверь «Спайки», рассчитанная на прямое попадание авиабомбы, начала медленно, с жутким скрипом, выгибаться наружу. Сталь пошла трещинами. Из микроскопической щели на пол брызнула тонкая струйка чёрной, болотной жижи, которая тут же задымилась, разъедая бетон.

— Не смотри! — рывкнул Олег Иванович, дёргая его за рукав. — Вперёд!

Но Виктор не мог отвести взгляд. Потому что в расширяющейся щели, в багровом полумраке, он увидел глаз. Огромный, влажный, белёсый, как у дохлой рыбы, выброшенной на берег. И этот глаз смотрел прямо на него.

А потом дверь лопнула.

Глава 4. Третье правило

АКТ

о несчастном случае на Спецобъекте «Колыбель»

(для внутреннего пользования, экз. №2)

Дата: 14 июня 1983 г.

Время инцидента: 23:58.

Комиссия в составе: председатель — подполковник Ключев В.С., члены — инженер-капитан Фролов А.Д., ст. науч. сотр. Лецинская М.Г.

**Установила: причиной выхода из строя контрольного контура С-7 явилось короткое замыкание, вызванное перегрузкой сети. Виновные не установлены. Пострадавших нет. Образец №12 утилизирован. **

(Внизу страницы — приписка от руки, сделанная второпях: «Ложь. Там всё ещё горит. И кричит. За что мы их так, товарищ майор?»)

Когда свет погас, Петрович сначала не испугался. Он разозлился. Двенадцать лет на объекте — двенадцать лет, Коля! — и ни одного ЧП. А тут этот сопляк, этот практикант, за которым нужен глаз да глаз, умудрился закоротить

сеть. Ну ничего, сейчас включится аварийка, и он лично отведёт Колю к начальнику смены. Пусть пишет объяснительную. Пусть краснеет и заикается. Воспитывать молодёжь надо, иначе...

Аварийка не включилась.

Петрович стоял в крошечной тьме, слушал, как с нарастающим воем раскручивается сирена, и чувствовал, как гнев медленно, нехотя уступает место страху. Аварийное питание должно было включиться через три секунды после падения напряжения. Три секунды. А прошло уже десять. Пятнадцать. Двадцать.

— Петрович... — голос Коли дрожал, как натянутая струна. — Петрович, я ничего не трогал. Честное слово. Я только чайник...

— Заткнись, — оборвал Петрович, хотя в горле у него самого пересохло.

Он нашарил на поясе фонарик — старый, армейский, с динамо-машиной. Дважды нажал на рычажок. Фонарик загорелся тусклым, желтоватым светом, выхватив из темноты перекошенное лицо Коли и стену за его спиной. Со стены на них смотрел плакат: «Соблюдай технику безопасности! Твой объект — твоя ответственность».

А потом они слышали звук.

Он шёл из-за двери, ведущей в главный зал «Спайки». Не из самой двери — дверь была заперта, — а откуда-то из-под неё, из щели, в которую едва проходило лезвие ножа. Звук

был влажный, чавкающий, как будто кто-то огромный пережёвывал мокрую тряпку. Или плоть. Много плоти.

— Что это? — прошептал Коля, пятясь к распределительному щиту.

Петрович не ответил. Он направил луч фонарика на дверь и увидел, как из-под неё медленно, словно нехотя, выползает что-то чёрное и блестящее. Оно двигалось не как жидкость — жидкость растеклась бы лужей. Оно двигалось как живое. Как щупальце. Как язык.

Запах ударил в нос — сладковато-гнилостный, тошнотворный. Петрович вдруг вспомнил, как в детстве, ещё до войны, он нашёл в лесу дохлую корову. Она лежала в овраге уже неделю, раздутая, и пахла вот так же — сладко и страшно.

— Мы уходим, — сказал он, хватая Колю за плечо. — Быстро. Через технический коридор.

Технический коридор представлял собой узкий бетонный рукав, проложенный вдоль главного зала «Спайки». По нему тянулись кабели, трубы с охлаждающей жидкостью и вентиляционные шахты. Петрович знал этот маршрут наизусть: двести метров прямо, потом поворот к грузовому лифту. Если повезёт, они поднимутся на Уровень -1 и вызовут охрану. Если повезёт.

Коля бежал впереди, спотыкаясь о кабели. Фонарик в руке Петровича мигал, выхватывая из темноты то пучок труб, то решётку вентиляции, то собственные тени — длинные,

изломанные, словно чужие.

А потом стена справа от них... задышала.

Бетон пошёл трещинами. Не так, как трескается бетон от старости или перегрузки, — нет, он вспучился, словно кожа, под которой что-то шевелилось. Сначала медленно, потом быстрее, быстрее, и вдруг лопнул с влажным, чавкающим звуком.

Из пролома хлынула тьма. Не просто отсутствие света — тьма как вещество, густая и холодная, пахнущая болотом и гнилью. А в этой тьме что-то двигалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.